

ПОСТСОВЕТСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ

Сергей Белов

Санкт-Петербургский государственный университет
ORCID: 0000-0003-4935-9658

<https://doi.org/10.36169/2227-6068.2021.02.00009>

Аннотация. Среди вопросов постсоветского правового и общественного устройства вопросы прав человека относятся к наиболее идеологически нагруженным и конфликтным. И хотя годы Холодной войны остались в прошлом, в современном мире вновь формируется идеологическое противостояние разных систем ценностей: либеральной демократии с одной стороны и разных нелиберальных демократий, в том числе постсоветских, – с другой. Это противопоставление многими сводится к различиям в политических режимах, однако внимательный анализ показывает, что причины лежат гораздо глубже и проистекают из разных представлений о должном и правильном, в том числе – и в первую очередь – о правах человека в их соотношении с общественными, публичными интересами. Эти различия демонстрируют, в числе прочего, наследие советских представлений о правах человека как о социальном, политическом и правовом феномене. К сожалению, должная концептуализация постсоветского взгляда на права человека – задача, пока не решенная в современной науке, по крайней мере, в правовых исследованиях. Не ставя себе задачи сформулировать подобную концепцию, автор статьи стремится не описать складывающееся глобальное противостояние, а обозначить конкретное наследие социализма в правовых и политических системах постсоветских государств, предлагая читателю выявленные им в ходе анализа правовой и социальной практики некоторые особенности восприятия прав человека в постсоветской России.

Ключевые слова: постсоветское право, социалистическое право, постсоветский конституционализм, права человека в России

Введение

Среди вопросов правового и общественного устройства вопросы прав человека относятся к наиболее идеологически нагруженным и конфликтным. Споры по поводу признания и защиты отдельных прав и свобод становятся предметом политического противостояния разных сил и течений во внутренней политике постсоветских государств, в том числе в России, и входят в повестку дня международной политики. Отношение к правам человека выглядит как мерило степени демократичности и прогрессивности государств, выступая едва ли не абсолютной точкой отсчета в системе ценностей права и политики любого уровня, предметом всеобщего согласия и идеологическим «общим местом». Вопросы прав человека обсуждаются в связи с обвинениями некоторых государств со стороны международных негосударственных организаций и со стороны других государств в нарушениях прав – как массовом и систематическом (например, установлении законодательных и правоприменительных ограничений на проведение массовых публичных мероприятий), так и в отношении отдельных граждан (например, признании конкретных лиц «узниками совести» в связи с предполагаемыми политическими мотивами и необоснованностью их уголовного преследования). Эти обсуждения редко касаются доказывания конкретных фактов или их правовой квалификации. Например, Европейский суд по правам человека по итогам процедуры рассмотрения соответствующей жалобы не признал наличия политических мотивов налоговых претензий к компании ЮКОС с целью экспроприацию компании (*ОАО "Neftyanaya kompaniya Yukos" v. Russia*), что, однако, не помешало формированию общественного мнения о нарушении в деле Юкоса ряда основополагающих прав человека (см.: Румруанский 2011): чаще они предполагают обобщенные оценки. Например, в рейтинге свободы Freedom House (2021) в обосновании 0 баллов из 4 в оценке справедливости и свободы выборов действующего состава федерального парламента России указано:

ОБСЕ и группа по наблюдению за выборами Голос сообщали о многочисленных нарушениях, включая вбросы бюллетеней, давлении на голосующих или незаконной агитации. Некоторые оппозиционные кандидаты просто не были зарегистрированы, результат многих гонок был ясен до дня выборов.

Многие постсоветские страны¹ в этом дискурсе оказываются в лучшем случае в роли «учеников», которые осваивают практику признания и защиты прав, пересматривая свои социальные и культурные традиции, несовместимые с правами человека, как неправильные, закостенелые и устаревшие. Однако если в 1990-е в правовой и политической науке постсоветские страны, хотя и не признавались состоявшимися либеральными демократиями, но обозначались как страны «переходящие» к демократии (Bunce 1990–1991; Jacobson 1993; Teitel 1994; Golding 1996; Jovanović 2004), то в современности тенденция движения к демократическим стандартам уже ставится под сомнение (Aleman 2011), все больше постсоветских

---

¹ Под «постсоветскими» странами здесь и далее будут пониматься государства, ранее входившие в состав СССР и блок Варшавского договора – страны Восточной и Центральной Европы, официально провозглашавшиеся в течение нескольких десятилетий «советскими» или «социалистическими» республиками, а существовавшая в них идеология, политические и правовые системы будут обозначаться как «социалистические».

стран обозначаются как авторитарные (Frckoski 2014; Lankina et al. 2016; Bugarić 2019; Gross 2019; Mounk 2021) или, по крайней мере, нелиберальные демократии (Par & Sledzinska-Simon 2019); в отношении России это стало практически общим местом (см.: Gorenburg 2015; van der Vet, 2018; Noble 2020). С другой стороны, в России и в ряде других государств все отчетливее обозначаются настроения защиты собственных традиций политического, правового и вообще социального устройства (Shaukenova 2015; Ukaz 2021). Права человека становятся и символом приверженности современному праву и демократии, и объектом ожесточенных дискуссий, и предметом обвинений в адрес постсоветских стран (Kudryashov et al. 2017) в недостаточном воплощении этих важнейших правовых ценностей в реальной жизни.

Внимательный наблюдатель может заметить, что со временем все очевиднее становится изначальное расхождение в понимании и восприятии прав человека как таковых, в чем далеко не все отдают себе отчет. В дискуссиях по поводу прав человека представители либеральных демократий и других, в том числе постсоветских, государств все больше перестают слышать друг друга и понимать чужую логику рассуждений. Становятся явными различия в представлениях о пределах содержания и формах реализации конкретных прав, однако для каждого идеологического лагеря собственная система ценностей принимается как нечто само собой разумеющееся, тогда как иные взгляды кажутся политически мотивированными, нацеленными на решение сиюминутных задач, защиту эгоистических интересов — словом, воплощением самых низких мотивов, попирающих высокие идеалы (напр., см.: Il'in 2020; Kudryashov 2020).

В правовом и отчасти в политическом отношении ситуация усугубляется тем, что с отказом от социализма большинство бывших социалистических стран провозгласило приверженность либерализму западноевропейского образца. Это было зафиксировано не только в политических документах, но и в конституциях, а также в международных обязательствах этих государств, и юридически становится основанием предъявления правовых претензий о несоблюдении соответствующих правовых предписаний.

За редким исключением конституции постсоветских стран, в том числе Конституция России 1993 года, воспроизвели каталог прав человека в соответствии с представлениями либеральной (западной) демократии, лишь в немногом позволяя себе сохранение специфики восприятия и регулирования прав в обществах, сохраняющих многие совсем не либеральные традиции и социальные стандарты (Larayeva 2010). При этом толкование прав из конституционного каталога — и законодателями, и органами конституционного контроля — имеет очевидное своеобразие, которое проще всего объяснить авторитарностью политических сообществ, не вникая в содержание и причины этого своеобразия. Однако такое объяснение остается весьма поверхностным.

Представления о должном в общественном мнении постсоветской России оказываются далеким от ценностей либеральных демократий, вследствие чего возникает очевидный разрыв между представлениями граждан о содержании и

пределах защиты прав человека и их юридическим закреплением (Glukhareva 2010). Рациональный выбор в пользу общества свободы и конкуренции сильно затруднен, во всяком случае для социального большинства.

Дискуссии относительно разного понимания природы, сущности и общего содержания прав человека, различия в идеологическом восприятии прав пока не получили адекватного анализа в современной литературе, по крайней мере юридической. Юристы спорят о применении конституционных норм о правах человека, часто исходя из совершенно разных представлений об их содержании и соотношении между собой, что делает споры все более бессмысленными и все более ожесточенными (Perry 2005). Очевидна необходимость анализа особого восприятия прав человека в постсоветских сообществах, прежде всего с учетом наследия социальных традиций и стандартов социализма (Varlamova 2018), однако такой анализ весьма затруднителен, даже если ставить задачу только выявления особенностей восприятия прав человека, не стремясь к объяснению причин такого разного восприятия.

Во-первых, появление какой бы то ни было особой теории прав человека релятивизирует права человека как таковые, маркирует их как продукт определенной правовой, политической и социальной культуры. Этот подход вызывает критику в современной западной науке (Donnelly 1989, 1999; Nathan 2001; Pirjola 2005) как ставящий под сомнение универсальность ценности прав человека, их общечеловеческое значение (Zurbuchen 2009; Onuma 2001; Bell 1996), единство их восприятия (Jizeng 2013). Если среди ученых (в особенности антропологов – Wilson 1997) и можно встретить защитников релятивизма, то он точно не может считаться общепринятым и даже допустимым подходом в политике и массовом сознании. Сама по себе идея существования социальных сообществ, в которых система ценностей не предполагает первичность и приоритет интересов личности над интересами общества кажется абсурдной и политически мотивированной, происходящей от желания оправдать авторитарные режимы.

Во-вторых, подобная концептуализация требует немалой аналитической работы: необходимости увидеть за конкретными законодательными мерами или решениями судов глубокие социальные причины. Поскольку сами законодатели (не говоря уже о судах) не провозглашают глобальных концепций государственной политики в сфере прав человека, увязывающих их решения в единое целое, более или менее глобальные выводы, объясняющие общий подход и общие тенденции, всегда будет легко поставить под сомнение.

Именно поэтому автор настоящей статьи не ставит перед собой задачу разработки полноценной концепции подобного рода, а лишь делает попытку выявить и обозначить унаследованные от социализма постсоветскими странами взгляды, идеи и социальные традиции, которые отличают восприятие прав человека в этих странах от их восприятия в либеральных демократиях. Автор стремится показать эти отличия, прослеживая их корни в социалистическом прошлом и указывая их мировоззренческие причины и ценностное содержание на примере конкретного государства – Российской Федерации.

Предваряя последующее содержание статьи, следует сделать оговорку: проведенный анализ не предполагает никакой оценки выявленных особенностей концепции прав человека в России по шкале «хорошо-плохо». Позиция автора состоит в том, что любое научное исследование должно быть по возможности свободно от ценностного восприятия, характерного для политических эссе и других подобных им сочинений. Каковым бы ни хотелось видеть положение дел с правами человека в России, на этих страницах лишь констатируется сложившаяся сегодня ситуация. Разумеется, многие наблюдения и объяснения особенностей восприятия прав человека представляют собой выводы из проведенного анализа. Не стремясь навязывать собственную интерпретацию российской специфики прав человека, автор старался разделить исходные данные (прежде всего данные социологических исследований и факты о советском праве и советской идеологии) и их собственное истолкование.

Права человека в советском государстве и постсоветские реформы

Доктрина и практика социализма не признавала прав человека в их западном понимании, однако не только не отрицала прав граждан (Voyevodin 1972; Maslennikov 1979), но напротив, во многом была ориентирована на их защиту, правда, с учетом совершенно особенного их понимания — защиту интересов трудящихся от экономической эксплуатации. Это может звучать шокирующе для западного читателя, в чьем сознании советская власть прочно ассоциируется с массовыми репрессиями, преследованием инакомыслия и значительного ограничения разных свобод, тогда как для понимания парадокса индивидуальных прав в СССР необходимо абстрагироваться от некоторых предрассудков. Ни свобода, ни достоинство человека — «альфа и омега» западной доктрины прав человека — советская идеология не признавала, и в то же время сама эта идеология выросла именно из гуманистических устремлений (Chkhikvadze & Lukasheva 1986: 3–7).

Капиталистическое общество обвинялось в несправедливом устройстве: авторы советской политической литературы обвиняли капитализм в том, что политическая и личная свобода сопровождается закрепощением экономическим: предприниматели активно эксплуатируют работников, предоставляя им только самую минимальную денежную компенсацию их труда и присваивая всю прибыль (Starodubskiy & Chirkin 1977: 93–113). Социализм предполагал изживание такой эксплуатации и соответственно с первых лет советской власти провозглашалась защита социальных прав — сперва самых базовых: например, право на 8-часовой рабочий день, затем — право на образование, позже — право на медицинскую помощь и социальную защиту.

Положения Конституции РСФСР 1918 года (Kukushkin & Chistyakov 1987: 239–261) ограничивали предоставление прав только рабочим и беднейшим крестьянам, однако в целом ряде положений этой конституции текстуально подчеркивалось, что советское государство обеспечивает *действительную* реализацию прав на свободу слова, свободу собраний, право на образование — предоставляя за государственный счет экономические условия для реализации этих прав. Такие гарантии

декларировались как принципиальное отличие социалистической демократии от демократии буржуазной, в которой формально провозглашенные права не могут быть практически реализованы ввиду отсутствия экономических возможностей их реализации.

В более поздних советских конституциях, в том числе в последней Конституции СССР 1977 года (Kukushkin & Chistyakov 1987: 315–365) каталог прав был существенно расширен по сравнению с первой Конституцией 1918 года, однако в него не были включены некоторые общепризнанные права человека – например, право на жизнь, свобода передвижения, не устанавливались гарантии признания и защиты достоинства личности. Личные права были фактически сведены к личной неприкосновенности, неприкосновенности жилища и свободе совести. При этом советская доктрина отрицала естественный, неотчуждаемый и абсолютный характер прав человека, исходила из социальной и даже «классовой природы» прав человека, т. е. предполагала их зависимость от социального контекста (Chkhikvadze & Lukasheva 1986: 3). Релятивизм прав человека прямо не постулировался, хотя во многом предполагался. Важным принципом правового регулирования было установление одновременно и конституционных прав, и конституционных обязанностей, причем между ними предполагалась определенная зависимость – неисполнение обязанностей ставило под сомнение возможность реализации прав.

Список прав в поздних советских конституциях открывали права на труд, на отдых, на охрану здоровья, на социальную защиту (материальное обеспечение в случае болезни, старости и проч.), на жилище, на образование. Именно эти права рассматривались как основа правового статуса личности. Права, отнесенные к политическим (свобода слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций) гарантировались «в соответствии с интересами народа и в целях укрепления и развития социалистического строя» (ст. 50 Конституции СССР 1977 года), а право на объединение – «в соответствии с целями коммунистического строительства» (ст. 51). Тем самым были четко обозначены пределы общественных дискуссий и обсуждений политических вопросов – реализация политических прав и свобод не должна была посягать на социалистический строй.

В Конституции СССР 1977 года подчеркивалось, что социалистическое государство создает материальные, экономические гарантии реализации индивидуальных прав, поэтому «социалистический строй обеспечивает расширение прав и свобод, непрерывное улучшение условий жизни граждан по мере выполнения программ социально-экономического и культурного развития» (ст. 39). Подобные формулировки позволяют отметить не только акцент на стремлении к реальному обеспечению прав человека, но и постоянное изменение их содержания, эволюцию прав человека по мере развития экономики и появления дополнительных экономических условий предоставления социальных благ, что резко контрастировало с утверждениями о вневременном и абсолютном характере прав человека в западноевропейской доктрине (Henkin 1990). Если в социалистической доктрине индивидуальные права – это результат государственного воления, то в западная

концепция предполагает их «естественный» характер, а стало быть и существование независимо от государственного признания.

По сравнению с экономическим обеспечением, правовое признание и юридическое обеспечение провозглашенных конституцией прав было отодвинуто на второй план (в частности, не было возможности подачи жалобы на нарушение конституционных прав и свобод), тем более что конституционные права не действовали непосредственно: они не были даже формально реализуемы в случае отсутствия законодательного механизма их обеспечения. Механизм предполагал как более детальное правовое регулирование на уровне законов и подзаконных актов, так и реальную возможность осуществления этих прав.

Конституционные реформы 1980 – 1990-х годов в республиках бывшего СССР, в том числе и в России, были направлены на пересмотр этих взглядов на права человека и на внедрение принципов и ценностей либеральной демократии, в том числе на восприятие прав человека сквозь призму свободы и конкуренции. Эти изменения остались лишь формально-юридическими, получив свое отражение в тексте Конституции РФ 1993 года, но не проникнув в общественную систему ценностей. Восприятие новых ценностей не могло быть результатом рационального выбора, хотя это казалось возможным – жажда материального благополучия на более высоком уровне, чем его обеспечивало советское государство, выливалось в стремление заимствовать общественно-экономическое устройство, которое в мировых масштабах продемонстрировало максимальную эффективность – свободный рынок, либеральную демократию, правовое государство. Однако инерция общественной системы ценностей оказалась сильна, и представления о должном, сформировавшиеся в российском обществе в предшествующие десятилетия, в том числе о содержании и пределах прав граждан, оказалось не так легко отбросить рациональным отказом в пользу другого общественного устройства.

В результате стала формироваться ситуация, когда формальное признание каталога прав, характерного для западноевропейских конституций, сочетается с тем, что их толкование и применение в России (с годами это становится все более очевидным) значительно отличается от толкования и применения тех же норм о правах человека в либеральных демократиях. Фактически происходит формирование специфической постсоветской российской концепции прав человека.

Права человека – свобода или притязания на социальные блага?

Первое и наиболее очевидное отличие постсоветского восприятия прав человека – отрыв прав человека от идеи свободы. В западной либеральной демократии прежде всего свобода определяет содержание прав человека; основными, самыми важными и фундаментальными правами остаются так называемые «негативные» права, то есть права, защищающие сферу автономии личности от постороннего вмешательства, в том числе со стороны государства. Сфера автономии описывается через набор различных прав и свобод – права на личную свободу и неприкосновенность, свободу слова, свободу передвижения, свободу религии и проч. Особое значение имеет право

на частную жизнь, максимально широкое с точки зрения юридической практики признания и защиты – по сути дела, оно не обозначает конкретных границ частной жизни, предполагая, что для самой переквалификации частного в публичное требуется достаточно веское обоснование, отсутствие которого оставляет тот или иной вопрос делом частным и потому защищенным от вмешательства государства (Goldman 2006).

В представлении большинства жителей России права человека – это прежде всего социальные гарантии (Petukhov 2010: 136–159; Gorshkov et al. 2011; Ivanov et al. 2018; Avdoshina & Vas'kina 2019). Именно это констатируют большинство социологических опросов, проводившихся в России в разное время и разными организациями (FOM 2013, 2018; Levada Center 2014, 2019b, 2021a, 2021b). При этом можно констатировать, что за последние 20 лет ситуация принципиально не изменилась, хотя придание большего значения социальным и экономическим правам усилилось (ср. Gerber & Mendel'son 2002). В первую десятку самых значимых прав может войти личная свобода или право на жизнь, но не свобода слова и не право на участие в управлении делами государства. Право на частную жизнь как таковое ни в действующей российской конституции, ни в российской юридической практике не признано – во всяком случае в том смысле, в котором защищается *right to privacy* в западных правовых порядках.

Граница между частным и публичным в постсоветской российской реальности воспринимается совершенно иначе, чем в западноевропейских представлениях об этом – как минимум, не существует презумпции того, что любой вопрос, касающийся интересов конкретного лица, относится к вопросам частным. Значительно шире содержание публичного, и как следствие – возможного вмешательства в свободу индивида. В советском государстве контроль за жизнью гражданина со стороны не только государственных, но и – формально – общественных органов (коммунистической партии, профсоюзов и проч.) был очень пристальным; сегодня пространство частного значительно расширилось, и в этом отношении разрыв с советскими общественными стандартами очевиден. Однако в сравнении с западными демократиями граница частного и публичного в России по-прежнему сильно сдвинута в сторону сферы публичной.

В восприятии прав больше как притязаний на социальные блага, нежели как разных аспектов свободы личности, не только нельзя не увидеть очевидное наследие прежних представлений о правах человека (Glukhareva 2020), но и можно сделать выводы относительно целого ряда принципиальных отличий в восприятии прав человека, унаследованных от социализма.

Во-первых, свобода сама по себе не представляет из себя столь значимой ценности, в качестве которой она воспринимается в западном обществе и соответственно в западном праве. Благополучие и защита потребностей в медицинской помощи, образовании и социальном обеспечении российским гражданам кажутся важнее возможности свободно вести экономическую деятельность, в том числе предпринимательскую. Свобода остается важной ценностью, но в конкуренции с обеспечением материального благополучия и безопасности явно им проигрывает. Досада от неудобств, связанных с ограничениями

и предписаниями государства, не только не ставит под сомнение правомерность таких ограничений и предписаний, но и не формирует готовности принимать на себя ответственность за собственное благополучие, за самостоятельное обеспечение себя и своих близких социальными благами, за принятие на себя экономических и других социальных рисков (Kharchenko 2017).

Во-вторых, потребности материального характера (хотя и в самом широком смысле) оказываются более значимыми, чем нематериальные блага. Именно это было одним из основных постулатов марксизма – идеологии, насаждавшейся в советских социалистических республиках в течение всех десятилетий советской власти. Во многом этот постулат лежал в основании многих правовых решений времен социализма и холодной войны идеологий, в том числе разделения принятых в 1966 году международных пакта ООН на два – о гражданских и политических правах и о социальных, экономических и культурных правах (Craven 1997). Личные (гражданские) и политические права в этой советской (и во многом постсоветской) системе ценностей вторичны, в пирамиде потребностей они занимают место ниже прав на обеспечение материальными благами, которые рассматриваются как базовые, жизненно необходимые и критически важные.

В-третьих, роль государства видится в качестве главного обеспечителя прав человека. Если для либерального мировоззрения от государства исходит угроза ограничения свободы, то для социалистического восприятия прав государство выступает главным источником социальных благ. Обязанность по обеспечению благополучия возложена на государство, вследствие чего у государства появляется гораздо больше моральных и правовых оснований для ограничения индивидуальных свобод и притязаний – например, для изъятия разного рода ресурсов в целях их справедливого распределения. В этом отношении ограничения права собственности, правила возложения налогового и другого экономического бремени в советской (и постсоветской) системе допустимы и правомерны в гораздо более широких пределах, нежели это приемлемо для либеральной демократии.

Эгоизм или солидарность?

Второе принципиальное отличие, возможно, еще более значимое для формирования отношения к правам человека как таковым – это восприятие претензий на защиту индивидуальных прав как противопоставление собственных интересов интересам общества, осуждаемое как эгоистическое. На подобное ценностное основание опирается множество конкретных правовых решений. Например, вполне очевидно отрицание прав представителей сексуальных меньшинств на признание их равенства в семейных отношениях с традиционными семьями – поскольку их притязания воспринимаются как противопоставление собственных желаний и прихотей общественным потребностям в рождении детей (Zakluchenie 2020; Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda 2014). Менее очевидно, что исходя из того же ценностного соотношения может ограничиваться свобода слова: высказывание мнения воспринимается как удовлетворение личной потребности в самовыражении, отдать предпочтение которой перед гражданским миром и согласием, замирением

социальных конфликтов нет достаточных оснований. Соответственно не допускаются в публичное пространство мнения, которые способны будоражить общественные дискуссии, вызывать активную полемику (часто выливающуюся в агрессию и конфликты), поскольку «взвешивание» общественного мира и согласия с правом на высказывание мнения отчетливо опирается на приоритет первого (Opredelenie Konstitutsionnogo Suda 2009a, 2009b, 2014, 2015, 2016, 2017a, 2017b). В статье (Lavrov & Sokol 2019) приведены данные ряда опросов, подтверждающих, что в представлении большинства граждан такие меры, как, например, блокировка Telegram в России были продиктованы соображениями обеспечения безопасности.

Общий подход к соотношению ценностей индивидуальных и коллективных находит в праве свое выражение в виде применяемого Конституционным Судом РФ методологического подхода, который точнее всего можно обозначить как «перевернутую пропорциональность». Концепция пропорциональности в том виде, в котором она стала сверх-принципом современного конституционного права, предполагает не просто интеллектуальную методологию поиска оптимального баланса между взвешиваемыми ценностями, но и отчетливую презумпцию приоритета прав и свобод человека перед публичными, общественными интересами (Alexy 2014). Соразмерность (как эквивалент пропорциональности) в системе российского права опирается на идею равенства ценностей прав человека и публичных интересов (Mavrin 2012), что на практике фактически приводит к презумпции приоритета публичных ценностей. В либеральном конституционализме права человека не должны иметь препятствий для их реализации, кроме тех, которые оправданы пропорциональной (т. е., адекватной возникающим угрозам) и минимально необходимой защитой особо значимых публичных ценностей. В постсоветской российской конституционной практике пределы допустимой реализации индивидуальных прав ограничиваются тем пространством, в котором они не посягают на общественные ценности. Более того – российским конституционным судом разработана доктрина «основного содержания права» (Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda 2010), посягательство на которое для защиты публичных ценностей недопустимо, поскольку уничтожает право как таковое, однако за пределами «основного содержания» ограничения права фактически могут иметь минимальное рациональное основание, без строгого стандарта проверки, основанного на презумпции недопустимости ограничения прав.

На уровне индивидуального сознания и психологии в России вовсе не доминирует альтруизм и готовность жертвовать своими интересами ради интересов других (Meshcheryakova 2015), однако при принятии правовых и политических решений защита индивидуальных прав отчетливо уступает место общим интересам, социальной солидарности, ответственности за благополучие общества. Эти понятия не всегда наполнены конкретным содержанием, но получают защиту и поддержку. Например, в конфликте налогоплательщика с государством Конституционный Суд чаще отдает приоритет фискальным интересам (Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda 2013), поскольку средства государственного бюджета обеспечивают социальную защиту и права значительного числа лиц – получателей средств бюджета. Эта позиция наиболее отчетливо была сформулирована в Постановлении Конституционного Суда

РФ 1997 года (Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda 1997), однако была отражена и в более поздних решениях Конституционного Суда. Демонстрируется даже противопоставление прав этих получателей и прав налогоплательщиков как необходимость ограничения индивидуальных прав для защиты прав других. Такая защита, проистекающая из известной максимы «права одного лица заканчиваются там, где начинаются права другого», не нашла своего отражения в большинстве либеральных западноевропейских конституций, однако была зафиксирована и в конституциях СССР и в действующей Конституции России (Ст. 39 и 65 Конституции СССР 1977 года, ч. 3 ст. 17 Конституции РФ 1993 года: «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц»). Понимание этого положения очевидно ориентировано на установление имманентных пределов защиты прав человека и недопустимости их реализации, если это может затронуть и тем более посягнуть на права других. Даже если ограничиваются права одного конкретного человека в пользу защиты прав неясного неопределенного круга лиц и даже если противопоставляются очевидные ценности свободы – например, свобода слова или свобода религии – с юридически неопределенными «религиозными чувствами верующих» или «исторической памятью», право, которое стремится реализоваться в пределах, затрагивающих права других, подлежит ограничению.

В оппозиции индивидуального и коллективного носителем коллективных интересов и выразителем общественных ценностей становится государство. Учитывая указанное выше восприятие государства как источника обеспечения социальных, а часто и всех прочих прав, интересы государства отождествляются с интересами публичными, не предполагая наличие кроме государства каких-либо иных общественных структур, в том числе политических партий и иных структур гражданского общества, которые могли бы выражать публичные интересы. Коммунистическая партия в советском государстве подобные функции выполняла, однако она фактически была частью государственного аппарата, на нее прямо возлагались некоторые функции, характерные для государственных органов.

Значительная роль государства в обеспечении прав и даже зависимость прав от решений государства находит свое отражение в отсутствии различий между конституционными и законодательно гарантированными правами человека. В действующем российском законодательстве под правами человека понимают как основные, закрепленные в конституции права, так и права более частного характера, устанавливаемые законодательными нормами. Единственное различие между ними состоит в возможности прибегнуть к защите конституционных прав в Конституционном Суде. Однако предусмотренные действующим законодательством механизмы защиты – от надзора прокуратуры за соблюдением и защитой прав человека до судебного механизма обжалования нарушений этих прав – не проводят различий между этими видами прав (глава 2 раздела III Закона «О прокуратуре» 1992, статья 1 Кодекса административного судопроизводства, статья 6 Закона «О Федеральной службе безопасности»). В свете социалистической концепции отсутствия принципиальных различий между конституцией и законами (концепции, не предполагающей, что конституция как акт реализации учредительной власти народа

связывает государство и может пересматриваться только особыми представительными органами, выражающие народную волю), это выглядит вполне естественным и оправданным.

Права человека в советской и постсоветской парадигме скорее представляют собой результат их правового установления и закрепления государством («дарования» государственной властью), нежели форму ограничения власти государства теми индивидуальными правами, которые были предусмотрены учредительной властью народа при создании государства.

Государство – не Левиафан, а друг трудящегося и выразитель его интересов

Стремление сконструировать систему публичного права как «клетку» для «Левиафана», характерное для либерального конституционализма, было совершенно нехарактерно для советского государства и не «работает» в постсоветских правовых системах, во всяком случае, в российской.

Ученые-конституционалисты, воспринимая цели публичного права из западноевропейских моделей и образцов, пытаются увидеть и в российском праве те же цели и подразумеваемый смысл, что и в либеральном конституционном праве, однако практика постсоветских государств радикально расходится с этими представлениями, наследуя у социалистической политики признание государства не потенциальной угрозой правам человека, а основным их защитником и гарантом реализации. Именно в такой роли представлялось советское государство в политической теории социализма: выражая интересы трудящихся, государство в принципе не расценивалось как потенциальная угроза гражданам.

С одной стороны, для российского общества, особенно для образованных жителей крупных городов, характерно критическое отношение к государству, которое часто обвиняют в неэффективности, «неправильной» политике, или в ненадлежащем использовании публичных ресурсов. Однако, с другой стороны, эта критика имеет своим адресатом конкретных лиц, осуществляющих политическую власть (либо «правительство» в целом), но не направлена против *государства* как такового. Напротив, решение большинства социальных проблем видится в изменении государственной политики, а не устранении государства из каких-либо отношений или ограничении его вмешательства (ср.: Levada Center 2019a, 2021c).

При этом лишь в редких случаях критическое отношение граждан к действиям государства сопряжено со стремлением вовлечься в публичную политику, активно взяться за решение конкретных социальных задач в общественных интересах и принять на себя ответственность за результат такой деятельности. Общая политическая пассивность и неготовность тратить силы и время на решение общественных задач предопределяет практику реализации политических прав.

Вовлечение в политику в постсоветской российской социальной практике предполагает профессиональное занятие должности в органах публичной власти. Лишь незначительное число таких должностей (в представительных органах местного

самоуправления и законодательных органах регионов) не требует профессионального, оплачиваемого осуществления. Большинство граждан даже при голосовании на выборах не готово анализировать разные направления государственной политики, чтобы участвовать в формировании этой политики, и предоставляют такой анализ и принятие решений своим политическим представителям. Выборы в большей степени представляют собой делегирование полномочий избираемым должностным лицам; политическое вовлечение не имеет массового характера, а политические права не защищаются как значимая для гражданина возможность влиять на осуществление государственной политики (Levada Center 2021a). Иными словами, право требовать «хорошего управления» явно преобладает над правом непосредственно участвовать в принятии решения. Сам каталог политических прав оказывается весьма ограниченным и сводится фактически к праву участвовать в выборах.

Признаваемые в зарубежной теории политическими права на индивидуальные и коллективные обращения в органы публичной власти либо права на проведение массовых публичных мероприятий в России в большей степени представляются групповым выражением интересов, индивидуальных по своему содержанию. Публичные интересы артикулируют и выражают органы публичной власти. Принимаемые ими решения могут вызывать протесты, однако подразумеваемый смысл этих протестов – заявить о том, что конкретное решение противоречит чьим-то интересам. Поскольку государство сохраняет монополию на выражение интересов публичных, за любыми протестами предполагаются интересы частные, индивидуальные. Заявить об этих интересах граждане вправе, но это не влияет и не должно влиять на принятие политических решений в интересах общества.

Протестные акции, вовлекающие противников конкретных решений органов власти, формируются большей частью из того социального меньшинства, которое исходит из другой парадигмы организации публичной политики, однако и эти акции как правило собираются вокруг негативной повестки дня, то есть предполагают требование пересмотреть конкретные решения, но не ориентированы на стремление добиться принятия решений, соответствующих представлениям участников о правильном.

В результате политическая и правовая практика блокирует подобные акции, видя в них не канал реализации политического права на участие в управлении делами государства, а посягательство на эффективную защиту общего блага органами публичной власти, получившими свой мандат от граждан на выборах.

Конкуренция либо мир и согласие?

Выборы обладают рядом особенностей, в результате чего в постсоветских странах они в принципе воспринимаются негативно. Главным образом избирательные кампании отличает острый конфликт, и в результате выборы раскалывают общество в соответствии с политическими предпочтениями, формируя тем самым угрозы гражданскому миру и согласию.

Поддержание в обществе мира и согласия (по крайней мере внешнего, видимого), стремление любыми путями не обострять социальные конфликты характерно для российского постсоветского политического и общественного устройства. Однако проистекающие из социальных конфликтов угрозы общественной безопасности и всеобщему благополучию – только одна из причин активного «замирения» общественного пространства.

Другая причина кроется в мировоззренческом убеждении в существовании единственно верного и правильного ответа на любой сложный вопрос. Подобную черту можно отнести к числу общественно-психологических особенностей российского общества – недопущению существования двух или более мнений или решений, одинаково справедливых и обоснованных. Объяснение причин и пределов распространения этой особенности культуры и менталитета заслуживает отдельного исследования, однако ее проявления ярко бросаются в глаза при анализе правовых институтов и политической практики.

Прежде всего в России негативно воспринимается конкуренция идеологическая, конкуренция позиций и мнений, в том числе по вопросам общественного развития – то, что лежит одним из краеугольных камней в основании современной западной демократии. Конкуренции идей отводится очень скромное место в социалистической и постсоветской системе ценностей. Разные мнения могут ставить под сомнение какие-то частные решения, но не должны касаться глобальных принципов общественного устройства («посягать на основы конституционного строя») или основные направления внешней и внутренней политики государства, поскольку высказывание критического мнения или оценки равнозначно обвинению в некомпетентности лиц, принимающих решения. В целом для постсоветского российского общества характерен перенос в публичном пространстве предмета обсуждения с содержания конкретной позиции на оценку того, кто эту позицию сформулировал («переход на личности»).

Конкуренция доставляет дискомфорт, конкурент вызывает враждебное отношение, приравнивание конкуренции к противостоянию лежит в основе восприятия конкуренции как угрозы для общественного мира и согласия.

Ограничение идеологической конкуренции осуществляется на основе широкого толкования положений ч. 5 ст. 13 Конституции РФ о запрете пропаганды насильственного изменения основ конституционного строя и нарушения целостности Российской Федерации, подрыва безопасности государства, разжигания социальной, расовой, национальной и религиозной розни, в результате чего пространство для конкуренции политических программ резко сужается. Это самым существенным образом влияет на политическую систему, препятствуя формированию в постсоветской российской демократии полноценной системы политических партий, подобной тем, которые сложились в западноевропейских демократиях. Партии как формальные институты в России созданы и зарегистрированы, однако нет вовлечения всех или хотя бы большинства граждан в обсуждение и поддержку разных политических программ, представляющих разные варианты государственной политики развития страны. Этого не происходит не только из-за нежелания

вовлекаться в политику, оставляя политическое как область профессиональной компетенции (о чем уже шла выше), но также из-за того, что сама мысль о равнозначности альтернатив государственной политики кажется немного абсурдной. Определенные цели или показатели успешности развития страны (сформулированные в специальных документах – см. Kontsepsiya 2008), представляет собой также очевидный пережиток советской политики, тем более, что их утверждением занимаются органы исполнительной власти, вне какого-либо общественного и публичного обсуждения формулирующие основные направления государственной политики. Достижение таких целей возможно наиболее оптимальным – и притом единственным – путем.

Признаваемые на Западе важнейшей частью демократии общественные дискуссии по социально чувствительным и значимым вопросам (иногда происходящая в шокирующей форме, представляя собой вызов чувствам отдельных граждан и общественной морали – см.: *Handyside v. the United Kingdom*), в российском постсоветском обществе оценивается как вредная для общественного мира и согласия, порождающая социальные конфликты и противостояние разных социальных групп.

Это положение дел затрагивает целый ряд прав человека, прежде всего свободу слова и свободу выражения мнения. Пределы того, что может защищаться как мнение, существенно сужено за счет запретов на мнения, которые оцениваются как оскорбительные и враждебные в самых разнообразных формах и ситуациях.

В качестве правила ведения экономической деятельности конкуренция формально признается и даже обеспечивается защитой антимонопольного законодательства, однако ее реальное признание в качестве принципа социальной практики очень ограничено. Оценка конкуренции как враждебных отношений приводит к тому, что помимо естественного в рыночной экономике стремления к монополизации, действия по отношению к конкурентам могут оказываться весьма агрессивными, а это ограничивает возможности реализации принципов рыночной экономики как таковых.

Заключение

Представленный в настоящей статье анализ сформировавшегося в постсоветской России восприятия прав человека демонстрирует значительное влияние на него социалистической идеологии, системы ценностей, правовой и политической традиции.

Наиболее общий вывод, который можно сделать в связи с этим (помимо очевидного и даже банального вывода о влиянии инерции социальных традиций на формирование социального устройства общества) – это преобладание ценностной интерпретации правовых норм над их текстуальной формой. Принятие в постсоветских государствах либеральных в основном своем содержании конституций не обеспечивает их толкование и применение в соответствии с духом и принципами либерализма. Любые положения, дающие даже самые минимальные основания для

их интерпретации в привычной, традиционной для конкретного общества манере, будут использованы максимально широко, перевешивая даже совершенно явные и недвусмысленные указания на иное соотношение социальных ценностей. Признание человека, его прав и свобод высшей ценностью в ст. 2 Конституции РФ не препятствует активной защите публичных ценностей в законодательстве и в практике Конституционного Суда РФ, поскольку такая защита представляется большинству лиц, принимающих решения, справедливой и правильной.

Представления о должном следует считать не менее важной частью действующего права, нежели текст правовых актов, поскольку они будут предопределять их истолкование и применение. По меньшей мере наивно судить о действующем праве по формулировкам конституции и законов, сколь бы важное значение им не придавалось, сколько бы ни декларировалось тождество текстов правовых актов и права.

Современные представления западной правовой и политической науки, а также позиции стран либеральной демократии о существовании «плохих» политических режимов, в которых авторитарные правители в целях укрепления личной власти лишают народы свободы, стремление к которой естественно и логично для любого общества, экстраполируют собственную систему ценностей на весь мир. Без осознания различий между политическими культурами степень взаимного непонимания и напряженности в международных отношениях будет только нарастать. Осознание различий требует усилий со всех сторон, поскольку сохранение в праве нелиберальных государств риторики либерализма при совершенно особенной, не похожей на либеральную, интерпретации правовых норм сильно сбивает с толку стороннего наблюдателя, не имеющего возможности понимать систему общественных ценностей изнутри. Формулирование особенностей восприятия, концептуализация подхода к правам человека в постсоветском контексте – первый и необходимый шаг на пути к диалогу разных правовых и политических традиций и культур.

Библиография:

- Aleman, Jose & Yang, David D. (2011). A Duration Analysis of Democratic Transitions and Authoritarian Backslides. *Comparative Political Studies*, 44(9): 1123–1151
- Alexy, Robert. (2014). Constitutional Rights and Proportionality. *Revus-Journal for Constitutional Theory and Philosophy of Law* 22: 51–65.
- Avdoshina, Natal'ya V., Vas'kina, Yuliya V. (2019). Prava cheloveka v massovom soznanii: regional'nyy opyt [From Rus.: Human rights in mass consciousness: regional experience]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [From Rus.: Sociological Research] 2: 88–96.
- Bell Daniel A. (1996). The East Asian Challenge to Human Rights: Reflections on an East-West Dialogue. *Human Rights Quarterly* 18: 643–645.
- Bugaric, Bojan. (2019). Central Europe's Descent into Autocracy: A Constitutional Analysis of Authoritarian Populism Symposium: Public Law and the New Populism. *International Journal of Constitutional Law* 17(2): 597–616.
- Bunce, Valerie. (1990–91). A Transition to Liberal Democracy Colloquium on the Transformation of Eastern Europe: Political and Economic Interpretations. *Canadian Business Law Journal* 17(2): 163–172.
- Chkhikvadze, Viktor & Lukashva Elena (red.). (1986). *Sotsialisticheskaya kontseptsiya prav cheloveka* [From Rus.: Socialist conception of human rights]. Moskva: Nauka.
- Craven, Matthew. (1997). *Mezhdunarodnyy pakt ob ekonomicheskikh, sotsial'nykh i kul'turnykh pravakh* [From Rus.: International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights]. V Vvedeniye v voprosy mezhdunarodnoy zashchity prav cheloveka [Introduction to international human rights protection]. Raya Khanski i Markku Suksi (red.). Turku/Abo: Universitet «Abo Akademi».
- Donnelly Jack. (1989). *Universal Human Rights in Theory and Practice*. Ithaca: Cornell Univ. Press.
- Donnelly Jack. (1999). Human Rights and Asian Values: A Defense of "Western" Universalism. In *The East Asian Challenge of Human Rights*, Joanne R. Bauer & Daniel A. Bell (eds.). New York: Cambridge Univ. Press, 60–87.
- European Court of Human Rights, *Handyside v. the United Kingdom*, 7 December 1976 (application No 5493/72).
- European Court of Human Rights, "OAO "Neftyanaya kompaniya Yukos" v. Russia, 20 September 2011 (application No 14902/04).
- Federal'nyy zakon [From Rus.: Federal Law]. (1992). 17 January 1992 No 2202-I.
- Federal'nyy zakon [From Rus.: Federal Law]. (1995). 03 April 1995 No 40-FZ.
- FOM. (2013). Samyye tsennyye prava cheloveka [From Rus.: The most valuable human rights]. Available at <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/11034> (accessed 8 July 2021).
- FOM. (2018). Grazhdanskiye prava i svodoy [From Rus.: Civil rights and freedoms], 22 June 2018. Available at <https://fom.ru/TSennosti/14494> (accessed 01 August 2021).
- FOM. (2020). Ob oskorblenii religioznykh chuvstv – vserossiyskiy telefonnyy opros [From Rus.: The all-Russian public opinion survey on offence of religious feelings], 17 November. Available at <https://fom.ru/TSennosti/14494> (accessed 01 August 2021).
- Frckoski, Ljubomir Danailov. (2014). Authoritarian Populism in Transitional Countries of Western Balkans. *Iustinianus Primus Law Review* 5(2): 1–21.
- Gerber, Teodor P. & Mendel'son, Sara E. (2002). *Grazhdane Rossii o pravakh cheloveka* [From Rus.: Russian citizens on human rights]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [From Rus.: Monitoring of public opinions] 2(58). Available at cyberleninka.ru/article/n/grazhdane-rossii-o-pravah-cheloveka (accessed 08 July 2021).

- Glukhareva, Lyudmila I. (2020). Prava cheloveka v Rossii kak kollektivnaya pamyat' [From Rus.: Human rights as collective memory]. V *Yuridicheskiye formy perezhivaniya istorii: praktiki i predely* [From Rus.: Legal forms of living history], Sergey Bochkariov (red.). Sankt-Peterburg: Verkhovnyy Sud Rossiyskoy Federatsii; Rossiyskiy gosudarstvennyy universitet pravosudiya, Severo-Zapadnyy filial, 27–37.
- Glukhareva, Lyudmila I. (2010). Prava cheloveka v obydenom soznanii rossiyan [From Rus.: Human rights in everyday mind of Russians]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* 4: 50–56.
- Golding Martin P. (1996). Transitional Regimes and the Rule of Law. *Ratio Juris* 9: 387–395.
- Goldman Lee. (2006). The Constitutional Right to Privacy. *Denver Univ. Law Review* 84(2): 601–644.
- Gorenburg, Dmitry. (2015). The Impact of Russia's Authoritarian Turn on Russian Society: Editor's Introduction. *Russian Politics and Law* 53 (5-6): 1–5.
- Gorshkov, Mikhail K., Krumm, Reynkhard & Petukhov, Vladimir V. (red.). (2011). *Dvadsat' let reform glazami rossiyan: Opyt mnogoletnikh sotsiologicheskikh zamerov* [From Rus. Twenty years in Russians' eyes: The experience of sociological surveys]. Moskva: Ves' Mir.
- Gross, Peter. (2019). Repackaged Authoritarian Policies: Kazakhstan's 'New' Version of Media Controls Human Rights & Development. *Georgetown Journal of International Affairs* 20: 187–194.
- Henkin, Louis. (1990). *The Age of Rights*. New York: Columbia University Press.
- Il'in, Aleksey N. (2020). Zapadnaya tolerantnost': gospodstvo demokratii ili nastupeniye degumanizatsii? [From Rus.: Western tolerance: The rule of democracy or advancing dehumanization]. *Vestnik Moskovskogo universiteta: Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya* [From Rus. The review of Moscow University: Series 18. Sociology and Political Science] 26(3): 227–246.
- Ivanov, Vilen N., Nazarov, Mikhail M. & Kublitskaya, Elena A. (2018). Politicheskiye tsennosti rossiyskogo obshchestva (rezul'taty sravnitel'nogo proyekta) [From Rus.: Political values of Russian society (outcomes of the comparative research)]. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya* [From Rus. The review of RUDN. Series: Socieology] 18(3): 470–480.
- Jacobson, Arthur J. (1993). Transitional Constitutions Comparative Constitutionalism: Theoretical Perspectives on the Role of Constitutions in the Interplay between Identity and Diversity. *Cardozo Law Review* 14(3-4): 947–956.
- Jizeng, Fan. (2013). Relative Universality of Human Rights: Theory and Practice. *Human Rights* 2: 24–28. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2593957> (accessed 1 August 2021).
- Jovanovic, Pavle. (2004). The State and (Post-Communist) Transition to Democracy. *Zbornik Radova* 38 (3): 53–84.
- Kharchenko, Dmitriy S. (2017). Svoboda i bezopasnost' v pravovom gosudarstve: sotsial'no-filosofskiy analiz [From Rus.: Freedom and security: social-philosophical analysis]. *Istoricheskiye, filosofskiy, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [From Rus.: History, philosophy, culturology, and art: Theory and Practice] 12-1(86): 189–193.
- Kodeks Administrativnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii [From Rus.; The code of administrative proceedings], (2015), 8 March 2015 № 21-FZ.
- Kontseptsiya dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda [From Rus.: The conception of social-economic development of the Russian Federation by 2020]. (2008). 17 November 2008 No 1662-p.
- Kudryashov, Konstantin V., Ponedelkov, Aleksandr V. & Stel'makh, Sergey A. (2020). Deval'vatsiya prav cheloveka v sovremennykh stranakh Zapada [The devaluation of human rights in contemporary Western states]. *Nauka i obrazovaniye: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravleniye* [Science and Education: commerce and economics, business, law and governance] 9(124): 136–138.

- Kudryashov, Konstantin V., San'kova, Aliona A., Petrov, Nikolay V. & Petrova Irina V. (2017). Obviniye Rossii stranami Zapada v narushenii prav cheloveka i otsutstvii demokratii: kritika osnovnykh napravleniy [Western accusations of Russia's violation of human rights: the critique of main directions]. *Vestnik Severo-Kavkazskogo gumanitarno-tekhnicheskogo instituta* [The Review of North-Caucasian humanitarian-technical institute] 3(30): 62–68.
- Kukushkin, Yuriy S., Chistyakov, Oleg I. (1987). *Ocherk istorii Sovetskoy Konstitutsii* [From Rus.: Essay on history of the Soviet Constitution]. Moskva: Politizdat.
- Lankina, Tomila; Libman, Alexander & Obydenkova, Anastassia. (2016). Authoritarian and Democratic Diffusion in Post-Communist Regions. *Comparative Political Studies* 49(12): 1599–1629.
- Lapayeva, Valentina V. (2010). Rossiyskaya filosofiya prava v kontekste zapadnoy filosofsko-pravovoy traditsii [From Rus.: Russian philosophy of law in the context of Western legal tradition]. *Voprosy filosofii* 5: 3–14.
- Lavrov, Ivan A. & Sokol, Aleksandr V. (2019) Rossiyskaya vlast' i Internet: bezopasnost' protiv svobody slova [The Russian government and Internet: security versus speech]. *Tsifrovaya sotsiologiya/Digital Sociology* 2(2):12-24.
- Levada Center. (2014). Press release, 27 January. Available at <https://www.levada.ru/2014/01/27/rossiyane-o-svoih-pravah/> (accessed 8 July 2021).
- Levada Center. (2019a). Press release, 22 January. Available at <https://www.levada.ru/2019/01/22/grazhdane-i-gosudarstvo-3/> (accessed 25 July 2021).
- Levada Center. (2019b). Press release, 20 November. Available at <https://www.levada.ru/2019/11/20/prava-cheloveka/> (accessed 8 July 2021).
- Levada Center. (2021a). Press release, 16 March. Available at <https://www.levada.ru/2021/03/16/politicheskoe-uchastie-v-otnosheniya-s-gosudarstvom-v-rossii/> (accessed 27 July 2021).
- Levada Center. (2021b). Press release, 4 June. Available at <https://www.levada.ru/2021/06/04/prava-i-svobody/> (accessed 8 July 2021).
- Levada Center. (2021c). Press-release of 30 July. Available at <https://www.levada.ru/2021/07/30/doverie-politikam-odobrenie-institutov-i-polozhenie-del-v-strane-4/> (accessed 25 July 2021).
- Maslennikov, Vyacheslav A. (1979). *Konstitutsionnyye prava i obyazannosti grazhdan SSSR* [From Rus.: Constitutional rights and duties of the USSR citizens]. Moskva: Moskovskiy rabochiy.
- Mavrin, Sergey P. (2012). Konstitutsionnyye tsennosti i ikh rol' v rossiyskoy pravovoy sisteme [Constitutional values and its role in the Russian legal system]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya* [From Rus.: The Journal of Russian Constitutional Justice] 3: 11–13.
- Meshcheryakova, Nataliya N. (2015). *Osobennosti anomii v sovremennom rossiyskom obshchestve: sinergeticheskiy podkhod* [Specific features of anomie in contemporary Russian society]. Dissertation of Doctor of Sociological Sciences. Moskva: MGIMO.
- Mounk, Yascha. (2021). Democracy on the Defense: Turning Back the Authoritarian Tide. *Foreign Affairs* 100(2): 163–173.
- Nathan Andrew J. (2001). Universalism: A Particularistic Account, in Lynda S. Bell, Andrew J. Nathan & Ilan Peleg (eds.), *Negotiating Culture And Human Rights*. New York: Columbia University Press.
- Noble, Ben. (2020). Authoritarian Amendments: Legislative Institutions as Intraexecutive Constraints in Post-Soviet Russia. *Comparative Political Studies* 53(9): 1417–1454.
- Onuma Yasuaki. (2001). Towards an Intercivilizational Approach to Human Rights. For Universalization of Human Rights through Overcoming of a Westcentric Notion of Human Rights. *Asian Yearbook of International Law* 7: 21–81.

- Opredeleniye Konstitutsionnogo Suda RF [From Rus.: The ruling of the Russian Constitutional Court]. (2009a). 19 February 2009 No 137-O-O, <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision18743.pdf> (accessed 01 August 2021).
- Opredeleniye Konstitutsionnogo Suda RF [From Rus.: The ruling of the Russian Constitutional Court]. (2009a). 19 February 2009 No 154-O-O, <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision18760.pdf> (accessed 01 August 2021).
- Opredeleniye Konstitutsionnogo Suda RF [From Rus.: The ruling of the Russian Constitutional Court]. (2014). 25 September 2014 No 1873-O, <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision175797.pdf> (01 August 2021)
- Opredeleniye Konstitutsionnogo Suda RF [From Rus.: The ruling of the Russian Constitutional Court]. (2015). 27 October 2015 No 2450-O, <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision213968.pdf> (01 August 2021)
- Opredeleniye Konstitutsionnogo Suda RF [From Rus.: The ruling of the Russian Constitutional Court]. (2016). 29 September 2016 No 1927-O, <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision249429.pdf> (01 August 2021)
- Opredeleniye Konstitutsionnogo Suda RF [From Rus.: The ruling of the Russian Constitutional Court]. (2017a). 28 March 2017 No 665-O, <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision269002.pdf> (01 August 2021)
- Opredeleniye Konstitutsionnogo Suda RF [From Rus.: The ruling of the Russian Constitutional Court]. (2017b). 26 October 2017 No 2315-O, <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision300323.pdf> (01 August 2021).
- Pap, Andras Laszlo & Sledzinska-Simon, Anna. (2019). The Rise of Illiberal Democracy and the Remedies of Multi-Level Constitutionalism. *Hungarian Journal of Legal Studies* 60(1): 65–85.
- Perry, Michael J. (2005). A Right To Religious Freedom – The Universality of Human Rights, the Relativity of Culture. *Roger Williams Univ. Law Review* 10(2): 385-425.
- Petukhov Vladimir V. (2010). Dinamika mirovozzrencheskikh ustanovok rossiyan i perspektivy formirovaniya «obshchestva ravnykh vozmozhnostey» [Dynamics of life attitudes of Russians and perspectives of development of “society of equal opportunities”]. V *Sotsial’nyye faktory konsolidatsii rossiyskogo obshchestva* [Social factors of the Russian society’s consolidation]. Gorshkov Mikhail K. (red). Moskva: Novyy khronograf, 136–159.
- Pirjola Jari. (2005). Culture, Western Origin and the Universality of Human Rights. *Nordic Journal of Human Rights* 23(1): 1–15.
- Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii [From Rus.: The decision of the Russian Constitutional Court]. (1997). 23 December 1997 No 21-P, <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision41926.pdf> (accessed 1 August 2021)
- Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii [From Rus.: The decision of the Russian Constitutional Court]. (2010). 19 April 2010 No 8-P, <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision29206.pdf> (accessed 0 August 2021).
- Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii [From Rus.: The decision of the Russian Constitutional Court]. (2013). 17 June 2013 No 13-P, <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision132941.pdf> (accessed 1 August 2021).
- Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii [From Rus.: The decision of the Russian Constitutional Court]. (2014). 23 September 2014 No 24-P, <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision173469.pdf> (accessed 1 August 2021)
- Pumpyanskiy, Aleksandr B., Kovalev, Sergey A., Zhutovskiy, Boris I. (2011). *Delo Khodorkovskogo* [From Rus.: Khodorkovskiy’s case]. Moskva: Zebra E.

- Freedom House. (2021). *Freedom in the World 2021: Russia*. Available at <https://freedomhouse.org/country/russia/freedom-world/2021> (accessed 15 July 2021)
- Richard Wilson (ed.). (1997). *Human Rights, Culture & Context: Anthropological Perspectives*. London and Chicago: Pluto Press.
- Shaukenova, Zarema K. (red.). (2015). *Tsenosti i idealy nezavisimogo Kazakhstana* [From Rus.: Values and ideals of the independent Kazakhstan]. Almaty: Institut filosofii, politologii i religiovedeniya KN MON RK.
- Starodubskiy, Boris A. & Chirkin Veniamin E. (red.). (1977). *Gosudarstvennoye pravo burzhuaznykh stran i stran, osvobodivshikhsya ot kolonial'noy zavisimosti* [From Rus.: State law of bourgeois states and states liberated from colonial dependence]. Moskva: Vysshaya shkola.
- Teitel, Ruti. (1994). Post-Communist Constitutionalism: A Transitional Perspective. *Columbia Human Rights Law Review* 26(1): 167–190.
- Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii* [From Rus. Decree of the President of Russian Federation], (2021), 2 July 2021 No 400.
- Van der Vet, Freek. (2018). When They Come for You: Legal Mobilization in New Authoritarian Russia. *Law & Society Review* 52(2): 301–336.
- Varlamova, Natal'ya V. (2018). Prava cheloveka: postsovetskiye predstavleniya v kontekste sovremennykh tendentsiy interpretatsii [From Rus.: Human rights: post-Soviet conceptions in the context of contemporary approaches]. V *Problemy postsovetskoy teorii i filosofii prava: perspektivy svobodnogo obshchestva. Sbornik statey* [From Rus.: Problems of post-Soviet theory and philosophy of law: perspectives of free society. Collection of papers]. Moskva: Yurlitinform, 45–66.
- Voyevodin, Leonid D. (1972). *Konstitutsionnyye prava i obyazannosti sovetskikh grazhdan: yuridicheskiye stat'i* [From Rus.: Constitutional rights and duties of Soviet citizens: legal provisions]. Moskva: Izdatel'stvo MGU.
- Zaklyucheniye Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii [From Rus.: Opinion of the Russian Constitutional Court], (2020), 16 March 2020 No 1-Z. Available at <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision459904.pdf> (accessed 01 August 2021).
- Zurbuchen Simone. (2009). Universal Human Rights and the Claim to Recognition of Cultural Difference. In *Universality: From Theory to Practice. An intercultural and interdisciplinary debate about facts, possibilities, lies and myths*, Sitter-Liver Beat, Hiltbrunner Thomas (eds.). 25th Colloquium (2007) of the Swiss Academy of Humanities and Social Sciences. Freiburg Schweiz: Academic Press Fribourg.